

КОЛЛЕДЖ
МАГИЧЕСКИХ ИСКУССТВ

АЛЕКСАНДРА РИЧ

Александра Рич

Колледж магических искусств

<https://litres.ru/74427159>

SelfPub; 2026

Аннотация

Фэнтези о юной Джессике, которая мечтала поступить в колледж искусств, чтобы творить и раскрывать себя через творчество, но судьба привела её в колледж магических искусств, где ей открылась куда более сложная и глубокая сила. Обладая связью с древней линией Уилсон, она вместе с друзьями и профессорами колледжа спасает два мира.

Содержание

Глава I. Неожданность	4
Глава II. Утро в другом мире.	14
Глава III. Книги, которые шепчут	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Колледж магических искусств

Глава I. Неожиданность

Хьюстон встретил Джессику Уолс удрушающей жарой и запахом нагретого асфальта. Чемодан на два колеса грохотал по неровному тротуару аэропорта, а влажный техасский воздух обнимал горло, забирался под футболку и прилипал к коже. Она стояла у выхода из терминала, щурилась на голубое техасское небо и пыталась вспомнить, зачем вообще согласилась на эту авантюру.

Колледж искусств имени Кэтрин Г. Макговерн. Престижный. Старинный. С программой, от которой у абитуриентов по всему штату перехватывает дыхание. Бабушка Нэнси — единственная родственница в Хьюстоне — настаивала два года: «Приезжай, Джесси. Я тебе помогу, пристрою, дом у меня большой и близко к колледжу».

И Джессика приехала.

Бабушкин домик на Оук-Форест встретил её прохладой старых жалюзи, запахом корицы и липового чая. Нэнси — маленькая, сухонькая, с красивыми голубыми глазами — обняла внучку, прижала к себе, и Джессика впервые за долгое

время почувствовала, что кто-то действительно рад ей без условий и оговорок.

Экзамены она провалила.

Не то чтобы провалила — не добрала. Не хватило баллов для бюджетного места, а платное обучение стоило так, что у Джессики перехватило дыхание, когда она увидела цифры на официальном сайте. Бабушка молча налила ей чаю, села напротив и сказала: «Ты попробуешь в следующем году. А пока поживёшь у меня. Найди работу. Копи деньги. Если не пройдёшь на бюджет — заплатишь за коммерческое. Деньги найдутся».

Джессика кивнула. Она умела соглашаться, когда не было других вариантов. Девушка начала активно откликаться на местные вакансии. Время спустя...

Бар «У Джона» на Уэстхаймер-роуд пах молодым пивом, жареными креветками и старым деревом, пропитанным десятилетиями разговоров. Джессика зашла вечером, в шесть, с невымытыми волосами, собранными в хвост, и стопкой рекомендаций из двух закусочных в её родном Остине. Хозяйка — крупная женщина с тёмными косами и хриплым смехом — оглядела Джессику с ног до головы, кивнула: «Начинай завтра. Смена с пяти до полуночи. Форму выдам. Не опаздывай».

Джессика выходила из бара с ощущением, что жизнь медленно поворачивается в нужную сторону, когда мужчина за столиком у окна поднял руку и помахал ей.

— Джессика! — голос мягкий, чуть хрипловатый, с тёплой южной растяжкой. — Подойди на секунду.

Она остановилась. Незнакомец сидел в полутени: худой, лет двадцати пяти, в тёмной рубашке с закатанными рукавами. Тёмные волосы падали на лоб, а глаза — серые, почти серебряные — смотрели внимательно и цепко.

— Откуда вы знаете моё имя? — Джессика нахмурилась, но подошла на два шага ближе к парню. В баре ещё не было толпы, играла тихая кантри-музыка, и поговорить никто не мешал.

— Меня зовут Даниэль, — он улыбнулся, и улыбка вышла кривой, словно он не вполне владел ею. — Нам нужно поговорить. Это важно, Джессика. Ты не случайно оказалась в Хьюстоне.

— Слушайте, я не знаю, что вы...

Даниэль протянул руку — не для рукопожатия, а к её сумке, которая висела на плече. Движение было быстрым и точным. Пальцы скользнули по ремню, дёрнули — и сумка оказалась у него.

Джессика опешила на полсекунды. Потом закричала:

— Эй! Вор! Держите его!

Даниэль уже был у двери. Он оглянулся — серые глаза блеснули — и нырнул в тёплый хьюстонский вечер.

Джессика рванула следом.

Она бежала по Уэстхаймер, мимо светящихся витрин и припаркованных пикапов, мимо запаха мангала и пыли. Да-

ниэль бежал легко, не оглядываясь, но и не отрываясь слишком далеко — ровно на расстоянии вытянутой руки, словно вёл её за собой. Джессика стучала кроссовками по тротуару, сердце колотилось в горле, в голове гудело только одно: сумка, документы, паспорт, телефон — всё в сумке.

Он свернул на Монтроуз, потом в парк столетия Макговерн. Деревья сомкнулись над головой, фонари расступились, и Джессика на секунду потеряла его из виду.

— Даниэль!

— Сюда! — голос слева, из-за живой изгороди.

Она влетела в проём между кустами и увидела арку — высокую, увитую белыми и бордовыми цветами, которые она не знала. Густой, приторный аромат ударил в нос. Даниэль стоял под аркой, держа её сумку, и ждал.

Джессика бросилась к нему — и в тот момент, когда она переступила под свод, мир дрогнул.

Не резко. Не страшно. Мягко — как страница, перевёрнутая ветром. Звуки Хьюстона растворились. Жара схлынула. Запах асфальта сменился запахом мокрого камня и чего-то ещё — старого, глубокого, чему нельзя было подобрать название.

Джессика остановилась. Оглядеться не получалось — дыхание перехватило.

Перед ней стояло здание. Огромное. Готическое. С острыми шпилями, стрельчатыми окнами и стенами из тёмно-серого камня, который, казалось, впитал века дождей. Фона-

ри у входа горели не электрическим светом — голубоватым, ровным, не дрожащим. Небо над зданием было чёрным и чистым, без единой звезды, но от самого здания шло столько света, что тьма отступала.

Даниэль стоял у ворот — кованых, с вплетёнными в металл знаками, которых Джессика не понимала, но от которых по коже бежали мурашки.

— Отдай мою сумку! — она подбежала, выхватила её и прижала к груди. — Ты вор! Что это за место?! Где я?!

Даниэль не отступил. Он смотрел на неё спокойно, даже устало, и в его серых глазах не было ни страха, ни вины.

— Джессика, — он произнёс тихо. — Нам пора. Двери в колледж уже закрыты. Миссис Помс не впустит нас через центральные ворота — отбой был, все легли спать. А я должен был привести тебя к нам.

— Какой колледж?! — голос сорвался на крик. — Что ты несёшь?! Мне нужно вернуться в бар, меня ждёт работа! Я не знаю, что это за место, не знаю, кто ты, и...

— Молчи и слушай, — Даниэль перебил ровно, без грубости, но с такой уверенностью, что Джессика на секунду замолчала. — Я расскажу кратко. Сейчас нам нужно тихо подняться на третий этаж. Там — кабинет профессора Коэла. Он всё объяснит.

— Ты сумасшедший! — Джессика отступила на шаг. — Я никуда не пойду! Отпусти меня! Я...

Она дёрнулась, но Даниэль схватил её за запястье — креп-

ко, не больно, но ощутимо. Серые глаза стали совсем тёмными.

— Я так и думал, — он вздохнул.

Потом он произнёс одно слово — тихо, почти шёпотом, на языке, которого Джессика никогда не слышала. Воздух вокруг неё стал тёплым и плотным, мысли замедлились, гнев растворился в чём-то мягком и розовом. Крики в голове стихли. Тело расслабилось. Мир перестал казаться враждебным.

Чары спокойствия.

Они поднялись по лестнице — каменной, винтовой, с потёртыми перилами из тёмного дерева. Ступени были стёрты посередине: тысячи ног до них. Факелы на стенах не горели — светились сами камни, вделанные в кладку, тёплым медовым оттенком.

Третий этаж. Длинный коридор, тёмные портреты на стенах, тихий гул, словно здание тихо дышало. Дверь в конце — дубовая, с медной ручкой в форме раскрывающегося цветка.

Даниэль постучал трижды.

— Войдите, — голос из-за двери был низким и спокойным.

Кабинет профессора Коэла оказался неожиданно уютным: книжные шкафы до потолка, тёмный стол, заваленный свитками и стопками бумаг, лампа с зелёным абажуром, два старых кресла. За столом сидел пожилой человек с короткой седой бородой, в тёмно-бордовом жилете поверх рубашки.

Глаза — тёмно-карие, внимательные, с морщинками в уголках — поднялись на вошедших.

— А, Даниэль, — Коэл кивнул. — Вижу, всё прошло... с нюансами. Снимай.

Даниэль провёл ладонью перед лицом Джессики и произнёс то же тихое слово. Тёплая пелена спала — и мир обрушился обратно.

Джессика вздрогнула. Вспомнила всё: сумку, побег, арку, это здание, чары. Глаза расширились, рот открылся, и из горла вырвался крик — резкий, высокий, отчаянный:

— Что вы со мной сделали?! Где я?! Вы...

— Тише, дитя, — Коэл поднял руку — медленно, спокойно. Он посмотрел Джессике прямо в глаза, и его тёмный взгляд стал глубоким, как колодец. Он произнёс несколько слов — не громко, но каждое слово ложилось в её голову тяжело и точно, как камень на дно воды.

Новая информация — нет, не слова. Ощущения. Знания, которых минуту назад не было. Образы: старая фотография — женщина в тёмном платье, строгий взгляд, тонкие пальцы. Прапрабабушка. 1912 год. Она тоже стояла перед этим зданием, тоже не понимала, зачем здесь. Тоже боялась.

— Ты — потомственная ведьма, Джессика, — голос Коэла звучал ровно и серьёзно. — Твоя прапрабабушка, Элеонора Уилсон, училась в этом колледже. Её дар был сильным, но она ушла, не закончив — вышла замуж, переехала, спрятала свою магию от мира. Дар передавался по линии — слабо,

почти незаметно. Но в тебе он проснулся. Именно поэтому ты здесь. Не случайно. Не по воле случая. Колледж магических искусств сам находит тех, в ком кровь заговорила.

Джессика молчала. Глаза были сухими, руки — холодными. Она слушала и одновременно не верила, но знания в голове были тёплыми и несокрушимыми, как стены этого здания.

— Теперь ты будешь учиться здесь, — Коэл сложил руки на столе. — Это не просьба, Джессика. Это необходимость. Необученный дар опасен — для тебя и для тех, кто рядом.

Молчание повисло тяжёлым облаком.

Коэл повернулся к Даниэлю:

— Отведи мисс Уоллс в гостевое крыло. Сегодня она ночует одна. Завтра утром — в кабинет директора. Обсудим всё подробно. А пока пусть отдохнёт. Утро вечера мудренее, даже для ведьм.

Даниэль кивнул.

Гостевое крыло было на втором этаже, в глубине здания. Комната — небольшая, с каменной стеной, узким окном и кроватью под белым покрывалом. Простая свеча на тумбочке горела ровным пламенем — без дрожи, без ветерка.

Джессика стояла посреди комнаты. Сумка висела на плече. Глаза горели — не от магии, а от гнева. Она развернулась к Даниэлю, и в её голосе было столько ярости, сколько хватило бы на десятерых:

— Я ни останусь здесь! Ты слышишь?! Я не ведьма! Я

официантка из Остина, которая приехала поступать в нормальный колледж! Вы оба сумасшедшие, и я сейчас же уйду...

Даниэль не стал спорить. Он посмотрел на неё — и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на жалость. Потом он произнёс короткое слово, и Джессика почувствовала, как веки наливаются свинцом. Ноги подкосились. Мир завалился набок, мягко, медленно.

Закливание сна.

Она падала — или плыла — или летела — Даниэль успел подхватить её. Он поднял Джессику, нёс несколько шагов до кровати и осторожно опустил на матрас. Расправил покрывало, подоткнул край под плечо. Свеча горела тихо. Джессика дышала ровно и глубоко — как ребёнок, которому снился хороший сон.

Даниэль вышел, прикрыл дверь и прислонился спиной к стене коридора. Камень был холодным — это ощущалось даже через рубашку.

В голове стоял её голос — резкий, колючий, злой. Джессика Уоллс. Волосы в хвост, взгляд снизу вверх, кулаки сжаты. Не испугана — взбешена. Не плачет — кричит. Даниэль провёл ладонью по лицу и выдохнул.

Какая она дерзкая. Как с ней разговаривать — непонятно. Одними чарами на неё не напасёшься.

Он оттолкнулся от стены и зашагал по тёмному коридору к своей комнате. Эхо шагов гулко отдавалось от камня.

Ничего. Утром разберёмся.

Глава II. Утро в другом мире.

Сон шёл тёплый и плотный — без сновидений, без цвета, без веса. Джессика плыла в нём, как в тёмной воде, и не чувствовала ни страха, ни гнева, ни времени. Первое, что вернулось, — запах. Камень и пыль, старое дерево, мята. Не бабушкин дом. Не её квартира в Остине. Не бар «У Джона» с его креветками и пивом.

Она открыла глаза.

Потолок был каменным. Серым, с одной длинной трещиной, бегущей от угла к центру. Узор трещины напоминал молнию — Джессика смотрела на неё несколько секунд, не понимая, где находится. Потом вспомнила — всё сразу, как будто кто-то щёлкнул пальцами перед глазами.

Арка. Цветы. Готическое здание. Даниэль. Серые глаза. Чары. Профессор Коэл. «Ты потомственная ведьма, Джессика». Заклинание сна.

Она рывком села на кровать. Покрывало соскользнуло на пол. Свеча на тумбочке погасла — только тонкая струйка дыма поднималась от фитиля, закручиваясь в тусклом утреннем свете, который пробивался сквозь узкое окно с решётчатом переплётom.

Джессика посмотрела на свои руки. Обычные. Коротко остриженные ногти, мозоль на среднем пальце правой руки

— от ручки, которой она списывала конспекты. Никакого свечения, никакой магии. Обычные руки.

— Это бред, — сказала она вслух. Голос прозвучал хрипло и чужеродно в каменной комнате.

Сумка лежала у кровати — Даниэль, видимо, положил рядом, пока она спала. Джессика схватила её, проверила: паспорт, документы, телефон. Телефон не работал — экран оставался чёрным, сколько ни нажимай. Джессика сунула его обратно и огляделась.

Комната была маленькой и холодной. Стены — голый камень, без обоев, без картин. Кровать — узкая, жёсткая, с тонким матрасом. Тумбочка, свеча, небольшой шкаф с двумя полками. Всё. Ни телевизора, ни розетки, ни даже ковра на полу. Каменный пол, выложенный тёмной плиткой, от которого тянуло холодом даже через кроссовки, когда Джессика встала.

Она подошла к окну. За решётчатым переплётом открывался вид, от которого у неё перехватило дыхание.

Двор. Огромный, вымощенный серыми плитами, с фонтаном в центре — каменная русалка с кувшином, из которого лилась вода, мерцающая зеленоватым оттенком. Вдоль двора — арки, переходы, галереи с колоннами. На заднем плане — сад, заросший так густо, что ветви переплетались в живой туннель. За садом — шпили ещё одного здания, более низкого и широкого, с башенками по углам.

Небо — бледно-голубое, без единого облака. Солнце сто-

яло низко, и его свет был не золотым, как в Хьюстоне, а ровным, серебристым, холодным. Джессика не могла понять, какое сейчас время года. Трава в саду была зелёной, но деревья — голые, с чёрными стволами, словно зима и лето существовали здесь одновременно.

— Где я? — прошептала она, прижав ладонь к стеклу.

Оно было ледяным.

Дверь открылась без стука.

— Доброе утро, — Даниэль стоял на пороге, свежий, выбритый, в той же тёмной рубашке с закатанными рукавами. Волосы были влажными — видимо, он умывался. Серые глаза смотрели спокойно, без тени вчерашнего напряжения. — Пора. Директор ждёт.

Джессика сжала кулаки.

— Я с тобой никуда не пойду, — процедила она. — Верни меня домой.

— Джессика...

— Не смей меня так называть! — она шагнула к нему, и в её голосе была сталь. — Ты украл мою сумку. Ты затащил меня сюда. Ты наложил на меня свои... свои чары, или что это было! Я ничего не понимаю, я не хочу здесь быть, и если ты немедленно...

Даниэль молчал. Он не отступал, не защищался, не перебивал. Просто стоял и смотрел на неё — и в его взгляде читалась такая усталость, что Джессика осеклась.

— Я понимаю, — сказал он наконец. — Ты злишься. Ты

имеешь право. Но послушай — я не враг. Я знаю, что это похоже на безумие. Мне тоже было страшно, когда я попал сюда впервые. Мне было пятнадцать, и я думал, что меня похитили. Но это не так. Профессор Коэл и миссис Вэйн — директор колледжа — они всё объяснят. Полчаса. Дай мне полчаса.

Джессика молчала, сверля его взглядом.

— Полчаса, — повторил Даниэль. — Если после этого ты захочешь уйти, я сам провожу тебя до арки.

— До какой арки?

— До той самой. Она работает в обе стороны.

Джессика сжала зубы. Потом схватила сумку, перекинула через плечо и вышла мимо него в коридор.

Коридор днём выглядел иначе, чем ночью. Свет из высоких стрельчатых окон ложился на каменный пол косыми полосами, и в них танцевала пыль. Портреты на стенах — мужчины и женщины в строгих тёмных одеждах, с серьёзными лицами и цепкими взглядами — провожали Джессику, куда бы она ни пошла. Одни были написаны маслом, другие — в технике, которой Джессика не знала: краски мерцали и переливались, словно на холсте осталась живая магия.

— Это выпускники, — негромко сказал Даниэль, идущий чуть позади. — Каждый портрет — ведьма или маг, окончившие колледж. Некоторые — триста лет назад. Некоторые — десять.

— Триста лет? — Джессика не удержалась.

— Колледж основан в 1712 году. Сначала — подпольно, как школа при монастыре. Потом — как самостоятельное учреждение. Здесь учились потомственные маги со всей Америки. И не только.

Джессика промолчала, но запомнила. Она вообще много запоминала — привычка, выработанная годами конспектов и подготовок к экзаменам.

Лестница, по которой они спустились, была не винтовой — другая, широкая, с мраморными ступенями и перилами из тёмного резного дерева. На площадке между этажами стояла большая статуя: женщина в длинном платье, с раскрытой книгой в одной руке и горящим шаром — не светящимся, а именно горящим, живым огнём — в другой.

— Агнес Браун, — сказал Даниэль. — Основательница. Великая женщина. Маги живут долго, Джессика.

— Это заметно, — Джессика кивнула на статую, не замедляя шага.

Кабинет директора располагался на первом этаже, за двустворчатой дверью из чёрного ореха. На двери — медная табличка с гравировкой: «М. Вэйн. Директор». Буквы были тонкими, изящными, с завитками, характерными для старинной каллиграфии.

Даниэль постучал.

— Входите, — женский голос, низкий, с хрипотцой.

Кабинет миссис Вэйн разительно отличался от кабинета Коэла. Никаких свитков и стопок бумаг. Пространство было

пустым и строгим: большой письменный стол тёмного дерева, два кресла напротив, книжный шкаф за спиной директора — и больше ничего. На стенах — ни картин, ни портретов. Только камень, гладкий и серый, отполированный до зеркального блеска.

Миссис Вэйн стояла у окна — высокая, стройная, в тёмно-синем платье до пола. Волосы — чёрные с проседью, собранные в тугой узел на затылке. Лицо — узкое, с высокими скулами и тонкими губами, которые не улыбались. Глаза — серо-зелёные, яркие, с таким пронзительным взглядом, что Джессика невольно сделала шаг назад.

— Мисс Уоллс, — Вэйн кивнула, не улыбаясь. — Садитесь.

Джессика села. Даниэль остановился у двери, сложив руки за спиной.

— Вы, должно быть, злитесь, — Вэйн произнесла ровно, без вопросительной интонации. — Это нормально. Вы приехали в Хьюстон с конкретной целью — поступить в колледж. Вы не прошли. Вы устроились официанткой. Вы планировали копить деньги и попробовать снова. Простой, понятный план. А вместо этого вы оказались здесь, в мире, о существовании которого не подозревали. Без спроса. Без предупреждения.

Джессика стиснула зубы, но кивнула.

— Я объясню, — Вэйн села в кресло напротив и сложила руки на столе. Длинные пальцы с тонкими серебряными

кольцами. — Колледж магических искусств — не выдумка и не метафора. Это реальное учебное заведение, существующее параллельно с вашим миром. Магия — не фокус и не суеверие. Это свойство крови, которое передаётся по наследству. У одних оно спит вечно. У других — просыпается. Ваша прапрабабушка, Элеонора Уилсон, была одной из сильнейших учениц своего выпуска. Она ушла из колледжа на третьем курсе — вышла замуж и уехала, больше не возвращалась. Дар она подавила, но не уничтожила. Он передавался — слабо, почти незаметно — через каждое поколение. Ваша мать не проявляла способностей. Вы — проявили.

Джессика молчала. Сердце колотилось, но не от страха — от напряжения, от попытки удержать в голове всё разом.

— Как? — спросила она. — Как я... проявила?

— Это обнаружил профессор Коэл, — Вэйн чуть наклонил голову. — Он специализируется на поиске потомственных магов. Колледж постоянно следит за линиями — за семьями, в которых, когда-либо учились ведьмы и маги. Когда дар просыпается, кровь начинает резонировать — это можно зафиксировать на расстоянии. Коэл обнаружил ваш резонанс три месяца назад. Даниэль был направлен, чтобы установить контакт и оценить ситуацию.

— Три месяца? — Джессика обернулась к Даниэлю. — Ты следил за мной три месяца?

— Наблюдал, — поправил Даниэль. — Издалека. Я был в баре не случайно. И арка — не случайность. Это портал.

Один из трёх, связывающих колледж с внешним миром. Я должен был провести тебя мягко, дать время подготовиться. Но ты... — он замолчал.

— Я что?

— Ты не из тех, кого можно подготовить, — Даниэль посмотрел ей в глаза. — Ты бы не поверила. Ни за три месяца, ни за три года. Поэтому Коэл выбрал прямой путь.

— Прямой путь?! — Джессика вскинулась. — Украсть сумку и вытащить через портал?!

— Действительно, — Вэйн подняла руку, останавливая её. — Не изящно, но действительно. Даниэль действовал по инструкции. Вопросы к профессору Коэлу.

Джессика сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Вы говорите, что я ведьма, — она произнесла медленно, чётко разделяя слова. — Что мой дар проснулся. Что я должна учиться. А если я не хочу?

Вэйн молчала несколько секунд. Потом наклонилась вперёд — совсем немного, но от этого движения по спине Джессики пробежал холодок.

— Ты можешь не хотеть, мисс Уоллс. Но дар не исчезнет оттого, что ты его игнорируешь. Он будет расти. Без обучения он станет неконтролируемым — и рано или поздно навредит тебе или тем, кого ты любишь. Твоя прапрабабушка подавила его — и потеряла ребенка из-за несчастного случая, который не был случайным. Это в архивах. Можешь посмотреть.

Тишина повисла тяжёлая, давящая.

Джессика опустила взгляд. Руки дрожали — мелко, едва заметно. Она спрятала их под столом.

— Что от меня требуется? — голос стал тихим и ровным.

— Обучение. Один год базового курса, — Вэйн откинулась в кресле. — Магия, теория, история, практика. Ты зачислена на бюджетное место — как потомственная выпускница, ты имеешь право на освобождение от платы. Жить будешь в общежитии, с однокурсницей. Начиная с сегодняшнего дня.

— А моя бабушка? Она будет знать?

— Мы сообщим ей, что ты поступила в колледж и переехала в кампус. Это, в сущности, правда. Детали — на твоё усмотрение.

Джессика кивнула. Она думала не о бабушке — она думала о том, что вся её жизнь за последние сутки перевернулась, и перевернула её не магия, а сероглазый парень у двери, который сейчас стоял молча и смотрел в пол.

— Можешь идти, — Вэйн кивнула. — Даниэль проводит тебя до комнаты. Твоя соседка — Мэри Эллис — уже ждёт.

Общежитие располагалось в том самом здании с башенками, которое Джессика видела из окна. Они перешли через двор, мимо фонтана с зеленоватой водой, через галерею с колоннами и сад, в котором деревья — голые, чёрные — вдруг зашелестели листвой, когда Джессика прошла мимо. Она остановилась, но Даниэль лишь покачал головой: «Они

чувствуют магию. Не бойся».

Комната на третьем этаже оказалась больше, чем гостевая. Две кровати, два стола, два шкафа. Окно — шире, с видом на сад. На одной из кроватей сидела девушка — невысокая, круглолицая, с каштановыми кудрями и веснушками. Она была в простом сером платье и босиком, ноги поджаты под себя, на коленях — раскрытая книга.

— О, наконец-то! — девушка вскочила, и книга шлёпнулась на пол. — Мэри Эллис, можно просто Мэри. Ты Джессика? Ты ведьма? Ты уже что-нибудь умеешь? Я пока ничего не умею, но вчера зажгла свечу взглядом — случайно, правда, но всё равно!

Джессика моргнула. Девочка тараторила так быстро, что слова сливались в единый поток.

— Я... да, Джессика. Привет.

— Супер! — Мэри схватила её за руку и потянула внутрь. — Даниэль, спасибо, можешь идти, мы сами разберёмся!

Даниэль задержался в дверях на секунду. Его взгляд скользнул по Джессике — коротко, почти незаметно. Потом кивнул и зашагал по коридору.

Джессика стояла посреди комнаты, слушала Мэри, которая уже рассказывала про расписание занятий и про то, что завтрак в восемь, а опаздывать нельзя, потому что повар — миссис Помс — запирает двери ровно в восемь ноль-ноль и не открывает ни для кого, даже для профессоров.

— А ты знаешь, что у нас первый урок — теория маги-

ческих полей у Коэла? Он строгий, но справедливый. Говорят, если слушать внимательно, он иногда улыбается. Иногда. Очень редко. У меня пока не получилось.

Джессика слушала вполуха. Она стояла у окна, смотрела на сад, на шпили, на бледно-жемчужное небо, и думала. бабушка Нэнси сейчас, наверное, пьёт свой липовый чай и смотрит вечерние новости. За окном — настоящий Хьюстон, настоящий Техас, реальный мир, в котором нет магии и порталов. А она стоит здесь, в комнате каменного здания, и её соседка по общежитию говорит про зажигание свечей взглядом.

— Мэри, — перебила Джессика. — Ты тоже... потомственная?

— Ага! — Мэри плюхнулась на кровать. — Моя бабушка училась здесь в шестидесятых. Мама — нет, дар не проснулся. А у меня — вот, проснулся. Сначала думала, что это статическое электричество — в смысле, я вечно была током всех, кто ко мне прикасался. А потом Коэл приехал и объяснил. А ты?

— У меня... прапрабабушка, — Джессика произнесла это слово медленно. — Элеонора Уилсон.

Мэри присвистнула.

— Серьёзно? Элеонора Уилсон? Нам про неё на истории магических линий рассказывали! Она же была одной из сильнейших! Почему ушла?

— Вышла замуж, — Джессика повторила слова профес-

сора Коэла. — Переехала. Подавила дар.

— Жуть, — Мэри помотала головой, и кудри запрыгали. — Подавлять дар — это как дышать и не выдыхать. Рано или поздно...

— Один ребенок, — тихо сказала Джессика. — Несчастные случаи.

Мэри замолчала. Тишина повисла между ними — не неловкая, а настоящая, в которой обе думали об одном и том же.

— Ладно, — Мэри наконец поднялась и хлопнула себя по коленям. — Хватит грустить. Завтра первый день. Давай посмотримся. Я покажу тебе столовую, библиотеку и... о! Ты должна увидеть библиотеку. Там книги шепчут.

— Шепчут?

— Ну да. Если долго стоишь у полки, они начинают шептать. Сначала жутковато, потом привыкаешь. Пошли?

Джессика посмотрела на свою сумку, лежащую на неразобранной кровати. Потом на окно, за которым сад шелестел листвой голых деревьев. Потом на Мэри, которая стояла в дверях, босая, в сером платье, с улыбкой от уха до уха.

— Пошли, — сказала Джессика.

Даниэль лежал на своей кровати — жёсткой, узкой, такой же, как все кровати в колледже. Потолок над ним был каменным, с трещиной, похожей на разветвлённую реку. Он смотрел на неё и думал.

Три месяца наблюдения. Каждый день — отчёт Коэлу. Где

она, что делает, с кем говорит. Он знал её расписание лучше, чем она сама: подъём в семь, бег по району Оук-Форест, завтрак у бабушки, подготовка к экзаменам. Он знал, что она пьёт кофе без сахара, что носит кроссовки до полного износа, что пишет левой рукой, что злится, когда нервничает, и молчит, когда боится.

Три месяца — и он всё равно не был готов к тому, какой она окажется вживую. Резкая. Дерзкая. Глаза — серо – голубые. Волосы — тёмные, густые, вечно выбившиеся из хвоста. Невысокая, но с такой осанкой, словно она на голову выше всех в комнате. Голос — низкий для девушки, с хрипотцой, которая появляется, когда она злится. А она злилась почти постоянно.

Даниэль закрыл глаза. В голове звучал её крик: «Отдай мою сумку, вор!» — и потом, в кабинете Коэла, тише, но с такой же сталью: «Я не ведьма».

Он подумал о том, как она стояла у окна в гостевой комнате, перед тем как он наложил чары сна. Сумка на плече, кулаки сжаты, подбородок поднят. Не испуганная — разъярённая. Не потерянная — точная. Она была похожа на дикую кошку, которую заперли в клетке: не скулит, не прячется — кидается на прутья.

Как с ней коммуницировать — непонятно, — подумал он. — Одними чарами не напасёшься.

Он перевернулся на бок. Каменная стена была холодной, и он прижался к ней лбом, пытаясь остудить мысли. Завтра

— первый день её обучения. Завтра — первый урок Коэла. Завтра она будет сидеть в аудитории, среди таких же, как она, и слушать о магических полях, о линиях крови, о резонансе. И, может быть, тогда — может быть — она перестанет смотреть на него так, словно он её похититель.

Хотя, — он усмехнулся в темноте, — технически так и есть.

За окном колокол пробил полночь. Звук был глубокий, протяжный, с вибрацией, которая проходила через стены и пол, через кровать и ребра. Где-то в глубине здания хлопнула дверь. Шаги по коридору — быстрые, лёгкие, женские. Миссис Помс, вероятно, совершала последний обход. Даниэль закрыл глаза и заставил себя дышать ровно. Сон не шёл. Вместо сна — её лицо. *Сжатые* губы. светлые глаза с золотыми искрами. И голос: «Я не ведьма». *Ну ничего, — подумал он, проваливаясь наконец в темноту. — Утро вечера мудренее. Даже для ведьм.*

Глава III. Книги, которые шепчут

Джессика проснулась за минуту до колокола.

Она лежала на спине, глаза открыты, дыхание ровное. Потолок — каменный, серый. Справа — тихое сопение Мэри, которая спала, свернувшись калачиком, натянув одеяло до подбородка. На тумбочке у её кровати горела свеча — ровным, неподвижным пламенем, без копоти, без дрожи.

Джессика повернула голову и посмотрела на свечу. Вчера Мэри сказала, что зажгла её взглядом — случайно, во сне. Свеча горела всю ночь и не оплыла. Фитиль оставался той же длины, а воск — гладким, нетронутым.

— Это не воск, — пробормотала Мэри, не открывая глаз. — Это магический субстрат. Он не тает. Коэл объяснял, но я не поняла половины. Кажется, он самовосстанавливается.

— Откуда ты знаешь, что я проснулась? — Джессика села на кровати.

— Я легковесная, — Мэри зевнула и потянулась, хрустнув пальцами ног. — Чувствую вибрации. Ты шевельнулась — и я проснулась. Подарок такой. Бесплезный, но милый.

Колокол ударил — шесть раз, глубокий, протяжный звук, прошедший через стены, пол и кровать. Джессика почувствовала его в рёбрах.

— Подъём, — Мэри спрыгнула с кровати и начала копать-

ся в шкаф. — Завтрак в восемь, но если хочешь успеть в душ — надо идти сейчас. Душевая на этаже одна, и после семи там очередь до дверей. Миссис Помс запирает столовую ровно в восемь, и, поверь, ты не захочешь остаться без завтрака. Её блинчики — это... — она закатила глаза. — Это нечто.

Джессика встала, натянула чистую футболку из сумки, нашла джинсы, которые мнутся меньше остальных. Оделась, посмотрела в маленькое зеркало на стене шкафчика: тёмные волосы выбились из хвоста, под глазами — тени. Она провела ладонью по лицу, убирая пряди за уши.

— У тебя есть форма? — спросила Мэри, уже одетая в серое платье с белым воротником.

— Какая форма?

— О. — Мэри округлила глаза. — Тебе не выдали? Ладно, сегодня — в чём есть. Я попрошу Коэла, чтобы тебе сшили. У нас есть портной — мистер Финч, он за полдня делает всё, что угодно. Старик, но руки — золотые. Буквально. У него пальцы светятся, когда он шьёт. Не спрашивай.

Душевая была каменной — пол, стены, потолок. Из медной трубы лилась горячая вода, не заканчиваясь и не остывая. Джессика стояла под ней, и пар обнимал плечи, и запах мокрого камня смешивался с чем-то травяным — может, мятой, может, лавандой, может, тем, чему она не знала названия.

Она думала.

Думала о том, что вчера утром она стояла в баре «У Джона» и радовалась, что получила работу. Что вчера днём она планировала график смен на ближайший месяц. Что вчера вечером она бежала за незнакомцем по хьюстонским улицам, а потом — по парку, через цветочную арку, в мир, где свечи не тают и шелестят деревья без листьев.

Она подумала о бабушке Нэнси. О том, что бабушка сейчас спит в своём домике на Оук-Форест, и когда проснётся, найдёт записку — её, Джессикину, которую Даниэль каким-то образом отправил через портал. «Бабушка, я все-таки поступила. Одна девушка отказалась в пользу другого учебного заведения. Я переехала в кампус. Обустраиваться буду. Всё хорошо. Позвоню, как смогу. Целую». Бабушка обрадуется. Бабушка не узнает правду.

Джессика выключила воду, вытерлась жёстким полотенцем, оделась. Посмотрела на свои кроссовки — стоптанные, грязные, единственная пара, — и подумала, что в колледже магических искусств, не принято так ходить, надо, что-то придумать.

Столовая располагалась на первом этаже главного здания — просторный зал с высокими потолками, длинными дубовыми столами и окнами в стрельчатых переплётах. Свет из окон — серебристый, холодный — ложился на скатерти и тарелки, и от этого еда выглядела чуть бледнее, чем была на вкус.

Мэри тянула Джессику за руку через весь зал, здороваясь

направо и налево:

— Это Тобиас, третий курс, он умеет левитировать стулья. Это Грейс, второй курс, она разговаривает с птицами — нет, серьёзно, с птицами. Это Хью, первый курс, как мы, он ничего не умеет, но зато делает лучший чай с магическими травами. Хью, это Джессика, новенькая, потомственная, ведьма. Ее прапрабабка — Элеонора Уилсон.

Хью — худой, рыжий, с россыпью веснушек по всему лицу — моргнул и протянул руку:

— Элеонора Уилсон? Серьёзно? Нам про неё на вводной лекции рассказывали. Коэл говорил, что она была...

— Да, я знаю, — Джессика села за стол. — Сильнейшая. Ушла. Подавила дар. Один ребенок погиб. Мне уже четыре раза рассказали.

Хью неловко отдёрнул руку.

— Извини. Я не хотел...

— Ничего, — Джессика взяла блинчик со стола. Он был тёплый, мягкий, с запахом корицы и чего-то сладкого — не сахара, а глубже, как мёд, но не мёд. Она откусила и закрыла глаза. — Ого.

— Миссис Помс, — Мэри кивнула, накладывая себе третий. — Она не ведьма. Совсем. Ни капли магии в крови. Но готовит так, что Коэл говорит: «Её еда — единственная магия, которую я не могу объяснить».

Джессика ела и оглядывалась. Зал был полон — студенты в серой форме, молодые и постарше, все с серьёзными

или сонными лицами, все за едой. Несколько преподавателей сидели за отдельным столом у стены: профессор Коэл — в бордовом жилете, с газетой, которая не горела и не летала, а просто читалась. Рядом — женщина в очках, с короткими седыми волосами, которая что-то быстро писала в блокнот. И ещё — мужчина с длинной бородой, в тёмно-зелёном плаще, который молча пил кофе и смотрел в стену.

Даниэля не было.

Джессика поймала себя на том, что ищет его глазами, и разозлилась на себя.

— Когда первый урок? — спросила она Мэри.

— В девять. Теория магических полей. Аудитория 312. Не опаздывай — Коэл этого не любит. Опоздавшие стоят в коридоре до конца занятия и слушают через стену. Он считает, что так тоже полезно.

— Полезно?

— Он считает. Мы не согласны, но мнение Коэла — закон.

Аудитория 312 была на третьем этаже, за тяжёлой дубовой дверью с медной ручкой в форме распутившегося бутона. Внутри — амфитеатр: ряды скамей, спускающихся к кафедре, как в маленьком театре. Стены — камень, но не голый: на нём — барельефы, тонко вырезанные, изображающие фигуры, потоки, линии, которые пересекались и расходились, образуя сложную сеть. Джессика присмотрелась: линии не были статичными. Они мерцали — еле заметно, на грани видимости, — и медленно перемещались, словно ба-

рельеф дышал.

— Это карта магических полей, — шепнула Мэри, усаживаясь рядом. — Реальная, живая. Коэл обновляет её каждый семестр. Видишь — вот тут, в центре, пересечение трёх линий? Это колледж. Мы находимся на пересечении трёх магических линий — отсюда и сила здания. Порталы работают только потому, что линии сходятся здесь.

— А что это за линии?

— Никто не знает точно. Теория — что это потоки энергии, проходящие через землю. Как реки, только не воды, а магии. Коэл скажет: «Если бы мы знали, что это такое, мы бы были не ведьмами, а богами».

Студенты входили один за другим. Хью сел слева, разложил тетрадь и три ручки — «одна всегда ломается, магия рядом, техника капризничает». Рядом села Грейс — высокая, тёмнокожая, с короткой стрижкой и серьёзным лицом. Она кивнула Джессике:

— Новенькая? Потомственная?

— Да.

— Кто по линии?

— Элеонора Уилсон.

Грейс приподняла брови:

— Серьёзно? Ну, удачи тебе. Уоллс — это не шутки.

— Почему?

— У вашей линии сильный резонанс, но нестабильный. Твою прапрабабушку считали гениальной, но... нестабиль-

ной. Коэл любит говорить: «Гений и безумие стоят на одной полке. Разница — в обучении».

Джессика открыла рот, чтобы ответить, но дверь аудитории распахнулась, и вошёл профессор Коэл.

Он был в том же бордовом жилете, но рубашка — белая, свежая. Седая борода подстрижена. Тёмно-карие глаза — внимательные, цепкие, с морщинками в уголках, которые складывались в едва заметные лучики, когда он смотрел на студентов. Он не улыбался. Но и не хмурился. Его лицо было спокойным, как поверхность озера в безветрие.

— Доброе утро, — он произнёс негромко, но его голос заполнил всю аудиторию — каждый угол, каждую скамью. — Сегодня — вводная лекция. Теория магических полей. Для кого-то — повторение. Для кого-то — первый раз. — Его взгляд задержался на Джессике. — Для кого-то — начало.

Он положил ладонь на кафедру — и барельефы на стенах вспыхнули. Линии засветились ярче, потекли быстрее, и Джессика увидела, как вся сеть пришла в движение: мерцающие нити расходились от центра, переплетались, рвались и восстанавливались. Это была не схема, не рисунок. Это было живое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.